

Архив Юго-Западной России

Часть 6. Том 1. Акты об экономических и юридических отношениях крестьян в XVI- XVIII веке

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
А87

А87 Архив Юго-Западной России: Часть 6. Том 1. Акты об экономических и юридических отношениях крестьян в XVI-XVIII веке / – М.: Книга по Требованию, 2012. – 779 с.

ISBN 978-5-4241-3674-0

ISBN 978-5-4241-3674-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

иметь намъ достаточно матеріаловъ, по которымъ бы можно прослѣдить исторически измѣненія въ положеніи крестьянъ въ этотъ періодъ, такъ что мы должны ограничиться общимъ сводомъ отрывочныхъ указаній памятниковъ за все почти время, предшествовавшее изданію Статута.

Сословное дѣленіе Западно-Русскаго населенія въ эту эпоху и въ эпоху крайняго развитія шляхетскаго господства представляетъ одну сходную черту: какъ тамъ, такъ и здѣсь мы находимъ два главные подраздѣленія жителей—на свободныхъ и несвободныхъ. Но громаднѣйшее различіе заключается, во-первыхъ, въ численномъ отношеніи обѣихъ категорій, и во-вторыхъ, въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи: тогда какъ шляхтичи, единственно полноправные, считались въ эпоху своего господства, т. е. послѣ Люблинской уніи, вполне равными между собою по закону, а все остальные сословія принадлежали къ числу болѣе или менѣе зависимыхъ,—въ XV столѣтіи было совершенно наоборотъ. Тогда существовало весьма немногочисленное—на сколько можно заключать по дошедшимъ до насъ памятникамъ того времени—сословіе вполне безправныхъ рабовъ, но въ то же время лица свободнаго состоянія далеко не пользовались равноправностію, а распадалась на множество разрядовъ, стоявшихъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, отъ живущаго на чужой землѣ крестьянина и кончая владѣтельными князьями, причемъ отношенія между сопредѣльными разрядами были почти тождественны и носили въ извѣстной степени феодальный характеръ.

Эта послѣдняя черта, то-есть феодальный оттѣнокъ во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ классовъ населенія, многими признается непосредственнымъ результатомъ соприкосновенія Литовскаго княжества съ сосѣдями Нѣмцами и ихъ бытомъ ¹⁾. Но едва ли не вѣрнѣе будетъ объяснять ее преимст-

¹⁾. Напримѣръ: «Весь строй государственнаго устройства, об-

веннымъ развитіемъ тѣхъ бытовыхъ условій, какія существовали уже раньше во всѣхъ Русскихъ земляхъ; Литовскіе завоеватели находили въ приобрѣтеніи областей Западной Руси не одну только безформенную экономическую или боевую силу, которую они могли безпрепятственно организовать по любому предвзятому образцу. Они встрѣчали здѣсь и извѣстную силу культурно-общественную, во всякомъ случаѣ высшую степени ихъ собственнаго развитія, а потому не только имъ не подчинявшуюся, но даже покорявшую ихъ своему вліянію. Весьма трудно было бы допустить даже a priori, чтобы Западная Русь, послужившая для Литвы первымъ источникомъ христіанства, письменности, многихъ правовыхъ понятій, терминовъ и учреждений, въ то же время могла бы подвергнуться радикальному измѣненію въ бытѣ общественномъ, и притомъ безъ всякой борьбы, на которую мы не имѣемъ ни малѣйшихъ, хотя бы даже самыхъ отдаленныхъ указаній. Но кромѣ этихъ общихъ соображеній, мы имѣемъ болѣе прямое свидѣтельство въ замѣчательномъ параллелизмѣ государственнаго устройства

разовавшійся въ Литвѣ, основанъ исключительно на военномъ началѣ» (Антоновичъ, изслѣдованіе о городахъ, 3).—«Военное устройство новозавоеванныхъ земель и извлеченіе изъ нихъ возможнаго количества боевыхъ силъ, вотъ задача, господствовавшая по преимуществу при первоначальномъ устройствѣ великаго Литовско Русскаго княжества; общественное устройство этого княжества и должно было сложиться подъ вліяніемъ этой необходимости. Форма, представлявшаяся при этомъ сама собою, вытекавшая изъ господствовавшихъ въ то время понятій натурально хозяйственнаго государственнаго устройства, образецъ которой въ возможномъ совершенствѣ былъ на лицо въ устройствѣ нѣмецкихъ государствъ,—форма феодальная была примѣнена литвинами» (его же, изслѣд. о крестьянахъ, 9). «Такимъ образомъ въ Литвѣ образуется *самостоятельный* феодальный строй жизни». (Изслѣд. о городахъ, 4).

Руси Западной и Восточной, въ періодъ до болѣе тѣснаго сближенія первой изъ нихъ съ Польшею и до полнаго объединенія второй подъ властью князей Московскихъ. Такой параллелизмъ могъ возникнуть только вслѣдствіе общности происхожденія.

Изъ двухъ главныхъ факторовъ древне-Русскаго общественнаго быта, связь одного изъ нихъ, именно общины со многими позднѣйшими явленіями Западно-Русской жизни, которыя этимъ только путемъ и могутъ быть объяснены, достаточно уже въ настоящее время доказана; но точно также не исчезъ внезапно и безслѣдно и другой элементъ, — опирающаяся на дружину княжеская власть, — а продолжалъ существовать въ обоихъ половинахъ Русской земли, постепенно лишь измѣняясь въ объемѣ и формахъ, современемъ весьма далеко разошедшихся тамъ и здѣсь, подъ вліяніемъ различій историческихъ обстоятельствъ.

Упроченіе удѣловъ за извѣстными отраслями княжескаго рода естественно вызывало стремленіе князей придать территориальный характеръ и своимъ дружинамъ, находившимся до той поры въ услуженіи какъ бы лично. Главнымъ средствомъ къ достиженію этого послужила, въ концѣ удѣльнаго періода, постепенная замѣна выдававшейся дружинникамъ въ вознагражденіе платы — пожалованіемъ имъ собственности поземельной, которую князья считали себя вправѣ раздавать, — безразлично, были ли то земли пустыя или уже вошедшія въ составъ округа той или другой общины ¹⁾. Вся разница могла заключать-

¹⁾ Болѣе подробное изложеніе этого предмета см. у г. Сергѣевича, „*Въче и Князь*“, стр. 410—411. — Слѣды замѣны земельнымъ жалованьемъ денежнаго можно видѣть въ Литовскій періодъ въ тѣхъ пожалованьяхъ, когда имѣніе записывалось въ извѣстной суммѣ, съ правомъ окупа ее княземъ. Акты Зап. Рос. I, №№ 22, 32, — Ак. Южн. и Зап. Рос., I, № 17, 20,

ся лишь въ томъ, что при пожалованіи земли общинной подразумѣвалось первоначально отчужденіе въ частную собственность не самой земли, а тѣхъ правъ на нее князя, которыя выражались въ обязанности населенія уплачивать князю часть произведеній своей земли, въ формѣ различнаго рода даней или своего личнаго труда, т. е. натуральныхъ повинностей ¹⁾). Такія именно раздачи и послужили источникомъ *русскаго* феодализма, выразившагося въ Московскомъ государствѣ въ помѣстной системѣ, въ Литвѣ,—еще съ большей послѣдовательностью и опредѣленностью, но уже съ замѣтною узурпаціей правъ низшихъ сословій,—узаконеннаго было первымъ Статутомъ, но впослѣдствіи, подъ преобладающимъ вліяніемъ Польши, замѣненнаго полною частною собственностью, какъ ее понимаетъ римское право.

Еще однимъ весьма важнымъ доказательствомъ аналогіи и общаго происхожденія феодальной собственности въ Литвѣ съ помѣстной системою Руси Восточной служитъ Русь Галицкая, перешедшая непосредственно во владѣніе Поляковъ, заставшихъ и здѣсь тѣ же отношенія, но конечно, возникшія помимо всякаго Литовскаго вліянія, и довольно быстро уступившія мѣсто порядку Польскому ²⁾).

¹⁾ Слѣды именно такого возрѣнія на объемъ пожалованій въ Литовскій уже періодъ заключаются въ тѣхъ грамотахъ на отдачу людей съ ихъ землями, многія изъ которыхъ цитируются г. Антоновичемъ въ его Изслѣдованіи о крестьянахъ, стр. 16.

²⁾ См. объ этомъ у Шарапевича: *Rys wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniej w drugiej połowie XV wieku*, Львовъ, стр. 56—68, гдѣ приведены указанія на слѣды феодализма въ Галиціи въ XIV и въ XV вѣкѣ, хотя въ коренной Польшѣ тогда господствовала уже собственность частная.—Ср. жалованную грамоту на пивніе въ *Перемишльскомъ* повѣтѣ съ *обязанностью службы*, 1408 года. Акт. Юж. и Зап. Рос., I, № 10.—Такое же пожалованіе въ *Снятинской волости*. Тамже, № 15.

Русскій феодализмъ получилъ наибольшее развитіе въ государствахъ Литовскомъ, такъ какъ эта форма общественныхъ отношеній имѣла здѣсь, сравнительно съ другими частями Руси, еще одно существенное основаніе—именно право завоеванія, а отчасти, быть можетъ, въ томъ же направленіи дѣйствовало и соприсношеніе съ Нѣмцами. Во всякомъ случаѣ, здѣсь феодализмъ развился въ цѣльную законченную систему, проникнувшую въ общественныя отношенія, начиная съ землевладѣнія, которое здѣсь не имѣло почти вовсе вотчинной формы, столь затрудняющей его пониманіе въ Восточной Руси. Въ Литвѣ всѣ почти княжескія пожалованія условны, несутъ на себѣ не только служебную, но и податныя повинности, а княжеское право на всѣ земли *de jure* сохраняется даже до второй половины XVI вѣка, когда, въ виду подготовлявшейся уніи съ Польшою, отрекся отъ него Жигимонтъ—Августъ ¹⁾.—Пожалованія на Литовско-Русскомъ правѣ имѣли все значеніе двухстороннихъ обязательствъ и иногда даже принимали вполнѣ ихъ форму, сопровождаясь записью на вѣрность службы ²⁾; въ этомъ ихъ значеніи кроется и источникъ происхожденія многочисленныхъ подтвердительныхъ грамотъ на имѣнія, выдававшихся тѣмъ

¹⁾ Существуютъ однако указанія, что нѣкоторыя земли составляли частную собственность; по всей вѣроятности, онѣ были таковыми еще въ эпоху до Литовскаго завоеванія и названы въ грамотахъ землями боярскими, въ смыслѣ обѣльныхъ, въ отличіе отъ земель тяглыхъ, т. е. несущихъ государственныя повинности. См. грамоты Казимира о пожалованіи Ходкевичу четырехъ человекъ, и другую, Богдану Войковичу, на село Привередовъ: «и перво сего за бояры бывали тыя люди; •тое имѣнне *изъ вѣка боярское, а не тямое*». Акты Зап. Рос. 1, стр. 58, 72. Въ этихъ и нѣсколькихъ другихъ грамотахъ пожалованія не обусловлены служебною повинностью.

²⁾ Акт. Зап. Рос. I, стр. 67.

же лицамъ новыми государями, или отъ того же государя наследникамъ прежняго владѣльца. Отсюда же вытекли и постановленія Статута о неотчуждаемости земскихъ имѣній безъ разрѣшенія государя, ни путемъ продажи, ни черезъ завѣщаніе ¹⁾.

Точно въ такомъ же отношеніи, какъ большіе поземельные собственники (отчасти еще удѣльные князья) стояли къ государямъ,—такъ же и къ нимъ относились жившіе въ ихъ имѣніяхъ второстепенные князья и бояре. Лица, получившія отъ великаго князя обширныя волости, въ свою очередь раздавали части ихъ отъ себя уже, и такимъ образомъ имѣли этихъ болѣе мелкихъ владѣльцевъ подъ своею рукою на такихъ же феодальныхъ началахъ. Такъ наприимѣръ, внукъ Ольгерда, князь Андрей Владиміровичъ, завѣщая въ 1446 году свои имѣнія (свою отчину и свою службу) женѣ и дѣтямъ, говоритъ между прочимъ: «а что есмь подалъ имѣнія боярамъ своимъ, хто всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служить, и они служатъ съ тѣхъ имѣній женѣ моей и дѣтемъ моимъ; а хто не всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служить, и азъ тѣмъ имѣнія далъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ» ²⁾. Въ 1483 году вдова Слуцкого князя Михайла Александровича, княгиня Анна, жаловалась королю Казимиру, что нѣкоторые изъ «еѣ» князей и бояръ не хотятъ служить ей со своихъ имѣній, поэтому Казимиръ подтвердилъ «тымъ княземъ, и боярамъ, и слугамъ, изъ ихъ имѣній ей служить и послушными быти, какъ князю Михайлу служили и послушны были» ³⁾. Первый изъ только что приведенныхъ документовъ показываетъ, что обя-

¹⁾ Первой редакціи раздѣлъ I, статьи 15 и 17; второй ред. III, 2 и 36, VII, 3 и 5.

²⁾ Акты Зап. Рос., I, стр. 59.

³⁾ Тамъ же стр. 104.

занность службы прямо зависѣла отъ пользованія землею, т. е. отъ желанія лица, получившаго имѣніе, удерживать его за собою; кто изъ бояръ захочетъ, говорить завѣщатель, тѣ и будутъ служить; имѣнія будутъ отняты только у тѣхъ, кто откажется отъ службы; но онъ вовсе не предоставляетъ своимъ наслѣдникамъ права отнимать земли по своему произволу, пока условія пожалованія выполнялись другою стороною исправно. Иногда, въ случаѣ пожалованія великимъ княземъ кому либо земель, на которыхъ уже жили бояре, такая условная неприкосновенность владѣній послѣднихъ прямо охранялась властью государя. Такъ напримѣръ, это всего яснѣе выражено въ жалованной грамотѣ в. кн. Александра князю Михаилу Жеславскому на Мстиславль и Мглинь, 1499 года; опредѣляя обязанность тамошнихъ бояръ служить со своихъ имѣній новому «вотчинному» владѣльцу¹⁾, грамота добавляетъ однако: «а онъ ихъ безъ вины не маєтъ рушати;..... а которыхъ бы бояре зъ нихъ не хотѣли ему служити, ино имъ ѣхати прочь вольно со всеми своими статки, куды хотять, а имѣнья оставивъ»²⁾. Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что отношенія бояръ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, къ своимъ князьямъ были вполне аналогичны съ отношеніями послѣднихъ къ великому князю. Они также пользовались и правомъ отчужденія недвижимой собственности, съ разрѣшенія своего князя, какъ это мы видимъ

¹⁾ Хотя въ грамотѣ пожалованіе названо «вотчиною», но изъ того самого, что она только подтверждаетъ Михаилу Жеславскому право на имѣнія, находившіяся въ «держаніи» его предковъ, скорѣе можно признать это пожалованіемъ леннымъ.

²⁾ Акты Зап. Рос., I, № 172. Заслуживаютъ вниманія слова этой грамоты:.. «дали есмо ему (такія то имѣнія) со всеми людьми и зъ ихъ землями..., и со всеми бояры и зъ ихъ имѣньи», т. е. и относительно бояръ употреблена та же формула, какая обычно употреблялась говоря о крестьянахъ, чѣмъ и подтверждается высказанное выше замѣчаніе о ея значеніи.

изъ разрѣшенія, даннаго Слуцкимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ своему боярину Царю на покупку и отчужденіе въ пользу црєви »дворца«, т. е. мызы¹⁾.

Относительно городскихъ жителей мы не знаемъ порядка и ограниченій, какими они должны были подвергаться при отчужденіи имѣній; собственно въ городахъ мѣщане могли свободно распоряжаться своей недвижимостью и пользовались правомъ перехода²⁾; но въ достатутный періодъ они владѣли также и землями внѣгородскими, селами, имѣніями земскими или боярскими, а потому, по всей вѣроятности, пользовались въ отношеніи землевладѣнія одинаковыми правами какъ и бояре. Ограниченія правъ мѣщанъ на приобрѣтеніе земель появились только въ концѣ XV вѣка; до тѣхъ же поръ такое владѣніе даже подтверждалось великими князьями. Такъ уставная грамота Полоцку (1499 года), хотя уже и пользовавшемуся магдебургскимъ правомъ, опредѣляетъ однако порядокъ судопроизводства »о земляномъ правѣ« между мѣщанами и боярами или путниками, подчиняя такия дѣла не войтовскому суду, но »на мѣстнику съ старшими бояры«, т. е. по боярской подсудности; въ той же грамотѣ упоминается о селехъ и земляхъ, купленныхъ боярами у мѣщанъ и обратно³⁾. То же мы находимъ и въ другой Полоцкой грамотѣ, съ тѣмъ важнымъ поясненіемъ, что мѣщане владѣли и заселенными имѣніями: »мають имѣнья свои и люди и земли сполна держати по давному«⁴⁾. Кромѣ по-

1) Акт. Зап. Рос. I, № 56.—Ср. постановленія перваго статута объ имѣніяхъ, выслуженныхъ на князьяхъ или на панахъ; разд. III, арт. 15.

2) Акт. Зап. Рос. I, стр. 145, 351; II, стр. 90.

3) Тамъ же I, стр. 199.

4) Акт. Зап. Рос. I, стр. 215.

купки, мѣщане пользовались тѣмъ же самымъ средствомъ пріобрѣтенія, что и бояре: у нихъ тоже были свои *выслуш* ¹⁾.

Но уже въ 1502 году, на просьбу городенскихъ мѣщанъ о подтвержденіи ихъ поземельныхъ правъ, король Александръ, подтверждая эти права, вмѣстѣ съ тѣмъ воспретилъ имъ на будущее время покупку земель безъ особаго разрѣшенія ²⁾. Это одна изъ первыхъ извѣстныхъ намъ попытокъ выдѣленія городского сословія изъ пользованія тѣми правами, какія были ему предоставлены въ 1457 году королемъ Казиміромъ наравнѣ съ шляхтичами-боярами ³⁾. Но мѣщанское землевладѣніе повидимому было настолько еще сильно и распространено въ XVI вѣкѣ, что даже Статутъ 1566 года упоминаетъ о немъ, обязывая военною службою мѣщанъ, владѣющихъ земскими имѣніями ⁴⁾. Конечно, при окончательномъ объединеніи Литовско-

¹⁾ Акт. Зап. Рос. I, стр. 353 (Dziękowicz. Skarbiec dyplomatów, II, стр. 230).

²⁾ Тамъ же. I, стр. 346. Дозволено, впрочемъ, мѣщанамъ принимать земли княжескихъ людей въ заставу, «не на вѣчность куповать».

³⁾ Dziękowski. Zbiór praw Litewskich, I, стр. 23. Необходимо однако имѣть въ виду, что «мѣщане» въ эту эпоху включали въ себя не всѣхъ городскихъ жителей; это, повидимому, были только «лучшіе» изъ горожанъ, остальные составляли городское «посполство».

⁴⁾ Разд. II, арт. 1:.... «Каждый внавь и панъ духовный, и тежъ дворянинъ, бояринъ, кождые иные станы, и татарове наши, тажъ *мѣщане* мѣстъ нашихъ, маючи *земское имѣнье*, ввѣнни будутъ войну служити.... то есть зъ *имѣнней и людей*, яко отчывныхъ и похожихъ, выслужонныхъ и купленыхъ». Эту обязанность службы *по имѣнню* не слѣдуетъ, конечно, смѣшивать съ такой же повинностью, лежавшей на всѣхъ вообще мѣщанахъ въ качествѣ городского сословія. О послѣдней см. Антоновичъ, Исслѣдованіе о городахъ, въ Архивѣ югозападной Россіи, ч. V, т. I.

русскихъ сословій съ польскими, это явленіе исчезло незамѣтно, путемъ включенія мѣщанъ-землевладѣльцевъ въ разрядъ шляхты, на основаніи самаго факта землевладѣнія.

Спускаясь еще ниже въ сословной іерархіи, къ сельскому земледѣльческому населенію, мы не только не находимъ какихъ либо особыхъ ограниченій относительно поземельныхъ правъ этого населенія, но скорѣе имѣемъ основаніе заключать, что права эти ничѣмъ не отличались отъ такихъ же правъ высшихъ сословій ¹⁾. Сельскіе жители, въ разсматриваемую эпоху чаще всего именуемые «людьми», независимо отъ множества частныхъ разнообразныхъ названій, основанныхъ на ихъ спеціальныхъ повинностяхъ, на экономическихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцу, и т. п., распадались на двѣ главныя группы, крестьянъ на княжескихъ земляхъ и на владѣльческихъ. Относительно послѣднихъ источники, къ сожалѣнію, скуднѣе всего; и объ условіяхъ ихъ быта мы можемъ заключить преимущественно лишь по той тождественности, какая замѣчается въ устройствѣ княжескихъ и частныхъ имѣній нѣсколько позже, а также изъ самаго отсутствія какихъ либо особыхъ установленій для частныхъ владѣній: князья жаловали ихъ съ тѣми самыми правами и на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на какихъ сами владѣли ими, шляхетское же сословіе тогда еще не организовалось и не сплотилось настолько, чтобы взять на себя починъ въ измѣненіи общественно-экономическихъ отношеній, какъ оно это сдѣлало въ половинѣ XVI вѣка. Съ другой стороны, мы имѣемъ прямые указанія, что—помимо землевладѣнія—въ отношеніи другихъ гражданскихъ правъ не дѣлалось вообще никакого различія между крестьянами на земляхъ государскихъ и боярскими.

¹⁾ Здѣсь разумѣется, конечно, только свободное сельское населеніе, о челяди же невольной и о завладѣнкахъ будетъ упомянуто ниже.